

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

Институт Латинской Америки Российской академии наук
Б. Ордынка ул., 21/16, Москва, 115035, Российская Федерация
Petrp.yakovlev@yandex.ru

Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды

АННОТАЦИЯ. *Латиноамериканские страны первыми в развивающемся мире встали на путь экономической интеграции. В регионе еще в начале 1960-х гг. были созданы интеграционные группировки, ставившие целью интенсификацию торговых связей между соседними государствами и укрепление их позиций в мировой экономике. В результате процесс интеграции уже около шести десятилетий трансформирует экономические системы Латинской Америки, в значительной степени определяет основные векторы развития внешнеторговых отношений, влияет на направления трансграничных инвестиционных потоков, способствует укреплению корпоративных связей и становлению различных форм производственной кооперации, стимулирует научно-техническое сотрудничество, «подталкивает» страны региона к более тесному политическому взаимодействию. При этом латиноамериканская интеграция предстает сложным и противоречивым явлением, ее история знала как периоды повышенной активности, так и длительные «паузы», движения вспять, попытки отдельных государств пересмотреть уже принятые правила игры, получить односторонние выгоды. В последние годы процесс интеграции в Латинской*

Америке приобретает новые черты и характеристики, возрастает его значение для социально-экономического будущего региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Латинская Америка, интеграция, «потерянное десятилетие», неолиберальные реформы, кризис, «золотое десятилетие», глобальная нестабильность, межамериканские отношения, открытый регионализм*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Яковлев П.П. (2017). Интеграция в Латинской Америке: центростремительные и центробежные тренды. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 86-100. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира».

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Petr P. YAKOVLEV

Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences
21/16, ul. B. Ordynka, Moscow, Russian Federation, 115035
Petrp.yakovlev@yandex.ru

Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends

ABSTRACT. *Latin American countries were the first in the developing world on the path of economic integration. In the region, back in the early 1960's were created the integration groupings, with the aim of strengthening trade ties between the neighboring States and their position in the world economy. As a result, the integration process has been going on for about six decades, transforming the economies of Latin America. Integration largely determines the main vectors of development of foreign trade relations, affects the direction of cross-border investment flows, strengthens corporate relationships and the emergence of various forms of production cooperation, stimulates scientific and technological cooperation, "pushes" the countries of the region towards closer political interaction. At the same time Latin American integration appears a complex and contradictory phenomenon, its history has known periods of high activity and long pauses, reversals, attempts by individual States to revise the rules of the game, receive unilateral benefits. In recent years, the integration process in Latin America acquires new features and characteristics, increasing its importance for the social and economic future of the region.*

KEYWORDS: *Latin America, integration, "lost decade", neo-liberal reforms, crisis, "golden decade", global instability, inter-American relations, open regionalism*

FOR CITATION: Yakovlev P.P. (2017). Integration in Latin America: centripetal and centrifugal trends. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4), 86-100. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Subdivision Division of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroeconomies of the Modern World".*

Одним из ключевых факторов, определяющих положение Латинской Америки в глобальной экономике, является уровень региональной торгово-экономической интеграции, а также плотность и глубина внутрирегиональных производственных, технологических и финансовых связей, наличие (или отсутствие) единого хозяйственного пространства. В настоящее время на базе накопленного опыта и в сложных макроэкономических региональных и глобальных условиях в Латинской Америке разворачивается очередной этап объединительных процессов, отмеченный целым рядом новых явлений и факторов, не в последнюю очередь связанных с внешнеэкономической политикой администрации Дональда Трампа.

Регион включается в интеграционные процессы

Старт развитию латиноамериканской интеграции был дан в 1960 г. с учреждением Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (Asociación Latinoamericana de Libre Comercio – ALALC) и Центральноамериканского общего рынка (Mercado Común Centroamericano, МССА). В первое объединение вошли десять южноамериканских стран и Мексика, во второе – пять центральноамериканских республик. С того момента и до сегодняшнего дня в Латинской Америке возникло 26 различных межгосударственных организаций, ставивших целью интенсификацию торговых обменов, сопряжение экономических усилий латиноамериканских стран и их политико-дипломатическое сближение (Los desafíos, 2014, p. 65). Развитие интеграции должно было вызвать кумулятивный эффект: через наращивание внутрирегионального сотрудничества обеспечить ускорение хозяйственного роста и модернизацию национальных производственных структур.

Создание ALALC и МССА, а затем – Карибского сообщества (Comunidad del Caribe – CARICOM) и Андской группы (Grupo Andino, GRAN) привело к значительному снижению таможенных барьеров (в среднем с 40 до 10%) и на первоначальном этапе способствовало ощутимому росту взаимной торговли. В период

1960–1980 гг. внутрирегиональный товарный экспорт латиноамериканских стран вырос в 19,5 раза, а его удельный вес в совокупных экспортных поставках государств региона увеличился почти вдвое: с 8,8% до 16,6% (Таблица 1).

Результаты могли быть более весомыми, но в ходе развития объединительного процесса отчетливо проявились своего рода «родимые пятна» латиноамериканской интеграции, прежде всего неистребимое стремление многочисленных представителей местных политических кругов и большинства предпринимателей защищать национальные рынки от внешней конкуренции, что явилось прямым следствием десятилетий политики хозяйственной автаркии и импортозамещения (Яковлев, 2016, с. 20–25). В итоге проводимые в рамках ALALC, МССА, CARICOM и GRAN переговоры о расширении списков товаров, облагаемых минимальными пошлинами, продвигались со скрипом. Зачастую в эти списки включались малозначимые изделия, тогда как действительно важные товары оставались за пределами соглашений, что со временем привело к торможению роста взаимного товарообмена и, по сути, дискредитировало саму идею интеграции в глазах той части бизнес-сообщества, которая выступала за свободу торговли.

«Черным периодом» интеграционных процессов стали 1980-е гг., так называемое «потерянное десятилетие» для стран реги-

Таблица 1. Товарный экспорт стран Латинской Америки (млрд долл.)

Показатель	1960	1970	1980
Весь экспорт	8,6	15,3	95,1
Внутрирегиональный экспорт	0,8	2,0	15,6
Доля внутрирегионального экспорта (%)	8,8	13,3	16,6

Источник: Integración Regional Latinoamericana. URL: <http://www.cepal.org/publicaciones/xml/5/4235/table1.gif> (Accessed 12.07.2017)

она, когда их экономики не смогли адаптироваться к менявшейся глобальной ситуации (в частности, к резкому падению цен на сырье) и «ныряли» из кризиса в кризис. В эти годы наблюдался откат взаимной торговли (в 1985 г. экспорт сократился на 38% по сравнению с уровнем 1981 г.), который был преодолен только в начале 1990-х гг., но и в 1991 г. удельный вес внутрирегионального товарного экспорта латиноамериканских стран в совокупных экспортных поставках составлял лишь 15,6%, то есть был ниже, чем в 1981 г. (Таблица 2).

След за «потерянным десятилетием» 1980-х пришли турбулентные 1990-е годы. По странам Латинской Америки прокатилась мощная неолиберальная волна. В хозяйственной сфере этот период ознаменовался жесткими рыночными реформами, открытием ранее плотно закрытых национальных экономик, отходом от проводившейся прежде политики импортозамещения, доминированием концепций и практик неолиберализма, попытками «изгнать» государство из экономической жизни и перекроить производственные структуры региона по лекалам «Вашингтонского консенсуса». Именно тогда регион стал интенсивно втягиваться в процессы глобализации (Kuczynski, Williamson, 2003).

Одновременно были предприняты шаги по развитию интеграции. Впавший

в спячку латиноамериканский регионализм в десятилетие 90-х заметно оживился. Ключевым событием явилось создание в 1991 г. Общего рынка стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur), объединившего Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Другим знаковым событием стало подписание в декабре 1992 г. Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA)¹ с участием США, Канады и Мексики. Тем самым Вашингтон непосредственно включился в интеграционные процессы в Латинской Америке и «оттянул» на себя экономику одной из крупнейших стран региона.

Неолиберальный эксперимент в Латинской Америке закончился так же стремительно, как и начался. Уже в конце 1990-х гг. сопряжение негативных внешних (кризисные явления в Азии и России, очередное падение цен на сырье) и внутренних (грубые макроэкономические просчеты, финансовые потрясения) факторов подвело черту под политикой рыночных реформ, многие из которых оказались незавершенными и «застряли на середине пути».

Самым ярким проявлением провала рыночно ориентированной модели развития в ее латиноамериканской версии стал крупнейший в мировой истории ар-

Таблица 2. Товарный экспорт стран Латинской Америки (млрд долл.)

Показатель	1981	1985	1991
Весь экспорт	100,7	96,9	122,7
Внутрирегиональный экспорт	16,8	10,3	18,8
Доля внутрирегионального экспорта (%)	16,6	10,6	15,6

Источник: Integración Regional Latinoamericana. URL:<http://www.cepal.org/publicaciones/xml/5/4235/table1.gif> (Accessed 12.07.2017)

¹ North American Free Trade Agreement. URL: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/>(Accessed: 24.07.2017)

гентинский дефолт по суверенным долгам 2001 г., разделивший экономическую траекторию региона на «до» и «после» (Яковлев, 2010). Разразившийся кризис стал отрезвляющим моментом, заставил правящие круги и бизнес-сообщество большинства латиноамериканских стран пересмотреть многие догмы, отказаться от не оправдавших себя макроэкономических рецептов. Скажем жестче: неолиберальная модель «сломалась» на кризисе 2001–2002 гг. В Латинской Америке произошел почти тотальный пересмотр стратегической перспективы, начался поиск альтернативных вариантов подъема национальных экономик, новых схем региональной интеграционной архитектуры и отношений с окружающим миром.

Новые механизмы и драйверы интеграции

В период 2003–2013 гг., вошедших в экономическую историю Латинской Америки как «золотое десятилетие», или время «тучных коров», странам региона уда-

лось «оседлать» повышательный тренд мировых цен на сырье, энергоресурсы и продовольствие, придать импульс хозяйственному росту, ощутимо увеличить объем ВВП, промышленного производства и внешнеторгового оборота, сократить долговую нагрузку на экономику, существенно укрепить финансовое положение, нарастить прямые иностранные инвестиции (ПИИ), снизить безработицу и инфляцию. Иными словами, улучшились практически все ключевые макроэкономические показатели (Таблица 3).

Укрепление социально-экономического положения стало метаусловием новых межгосударственных взаимосвязей на региональном уровне, оказавших влияние на ход и содержание интеграционных процессов. В 2004 г. образовались две крупные региональные группировки: Сообщество южноамериканских наций, впоследствии преобразованное в Союз южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur) и Боливарианский союз для народов нашей Америки (Alianza Bolivariana para los pueblos de Nuestra América, ALBA). Под эгидой Unasur объединились все 12

Таблица 3. Латинская Америка: динамика основных макроэкономических показателей

Показатель	2003	2005	2010	2013
ВВП (млрд долл.)	1926	2764	5031	6021
Экспорт (млрд долл.)	392	584	898	1099
Импорт (млрд долл.)	354	509	865	1100
Государственный долг (% ВВП)	57,0	42,4	29,8	32,3
Внешний долг (% ВВП)	39,9	24,6	19,8	21,0
Чистые ПИИ (млрд долл.)	39,8	57,7	110,4	142,1
Валютные резервы (млрд долл.)	198	262	656	830
Инфляция (%)	8,2	6,1	5,4	5,0
Безработица (%)	11,1	9,0	7,3	7,2

Источники: (Balance Preliminar, 2012, p. 51; Balance Preliminar, 2016, p. 95)

государств Южной Америки, а в состав ALBA, главную роль в которой играет Венесуэла, вошли Боливия, Куба, Никарагуа, Эквадор, Антигуа и Барбуда, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Гренада, Сент-Киттс и Невис. И, наконец, в 2011 г. возникло Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y del Caribe, CELAC), впервые в истории объединившее все 33 страны региона, но (в отличие от Организации американских государств) не включившее США и Канаду, а в 2012 г. был создан Тихоокеанский альянс (Alianza del Pacífico, AP) в составе Колумбии, Мексики, Перу и Чили.

Главной задачей названных инициатив было усиление взаимных торгово-экономических и финансовых скреп латиноамериканских стран. Вместе с тем отличительной чертой данного этапа явилось расширение повестки дня интеграции, включение в нее вопросов политического взаимодействия, налаживания сотрудничества в сферах обороны и безопасности.

В первые полтора десятилетия XXI в. одним из главных драйверов экономического роста и важным актором интеграционных процессов стали местные латиноамериканские ТНК, так называемые «мультилатинас», резко возросшая трансграничная активность которых в значительной степени изменила корпоративную карту региона (Santiso, 2011; Яковлев, 2013).

«Мультилатинас» в ряде отраслей стали теснить зарубежных конкурентов и встали на путь превращения в производственный и финансовый хребет латиноамериканской экономики, передовой отряд бизнеса, в значительной мере определяющий место региона в системе мирохозяйственных отношений, в том числе с помощью приобретения крупных активов не только в соседних республиках, но и в США, Канаде, европейских странах. Накопленные прямые зарубежные инвестиции латиноамериканских компаний, составившие в 1990 г. 52,1 млрд долл., в 2000 г.

достигли 104 млрд, а в 2013 г. превысили 647 млрд, т.е. за два с небольшим десятилетия увеличились в 12,4 раза (España..., 2015, p. 3).

При всех претензиях на глобальный характер своей деятельности основным пространством экспансии «мультилатинас» был и остается латиноамериканский регион. Для них это своего рода «ближнее зарубежье», наиболее понятный район с точки зрения ведения бизнеса, проведения эффективных (менее затратных) рекламных кампаний и налаживания тесных партнерских отношений. Расширяя свою деятельность в «родном» регионе, «мультилатинас» способствуют объединению латиноамериканских экономик не только по географическому принципу, но и на основе разветвленных корпоративных, торговых, финансовых и производственных связей в различных областях хозяйства. Они стали фактором растущей целостности региональной экономики, поскольку своей трансграничной предпринимательской деятельностью на практике стимулируют интеграцию ранее разрозненных национальных рынков в единый хозяйственный организм. В результате происходит изменение экономического контура Латинской Америки, создаются условия для развития более «глубоких» форматов интеграционного взаимодействия. Не менее существенно и то, что в результате укрепления позиций «мультилатинас» традиционные ТНК западных стран перестали быть безальтернативными финансово-экономическими игроками на латиноамериканском пространстве.

В эпицентре «идеального шторма»

Поступательное экономическое развитие государств региона было прервано в середине 2010-х гг. Сигналом неблагополучия в экономике большинства стран стало падение темпов прироста ВВП, от-

мечаемое с 2014 г., и ухудшение других макроэкономических показателей. Сократились инвестиции в основной капитал, обрушился объем чистых ПИИ, упал экспорт, возросла долговая нагрузка на экономику, стали расти потребительские цены, увеличилась безработица (Таблица 4).

Главной внутренней причиной кризисных явлений стало фактическое исчерпание ресурса тех моделей роста, которые сложились в регионе в начале текущего столетия. Эффектом «глобальной неожиданности» можно назвать круто изменившиеся внешние обстоятельства. В течение сравнительно короткого времени (полтора-два года) в неблагоприятную сторону трансформировались международные условия экономического развития латиноамериканских стран. Особенно негативно на Латинской Америке ска-

залось замедление прироста глобального ВВП, застой в мировой торговле, снижение цен на сырьевые и продовольственные товары. Характеризуя положение дел, сложившееся в регионе, главный экономист Межамериканского банка развития (МАБР) Хосе Хуан Руис заметил: «Праздник закончился, попутный ветер сменился встречным и перестал наполнять паруса латиноамериканской экономики» (Nuñez, 2014).

Сложное положение, в котором оказалась Латинская Америка, можно определить как эпицентр «идеального шторма». Этот фразеологизм используется в метафорическом смысле для описания ситуации, возникшей путем сопряжения ряда внутренних и внешних неблагоприятных эффектов (Яковлев, 2017, с. 59).

Кризисные явления, охватившие Латинскую Америку, не могли не сказаться

Таблица 4. Латинская Америка: изменение основных макроэкономических показателей (2016 г. – оценка)

Показатель	2013	2014	2015	2016
Прирост ВВП (%)	2,9	0,9	-0,5	-1,1
Прирост душевого ВВП (%)	1,7	-0,2	-1,6	-2,2
Экспорт (млрд долл.)	1099	1083	924	865
Импорт (млрд долл.)	1100	1106	985	880
Инвестиции в основной капитал (% ВВП)	21,3	20,8	19,4	18,4
Государственный долг (% ВВП)	32,3	33,6	36,5	37,9
Внешний долг (% ВВП)	30,2	32,6	34,9	36,4
Внешний долг (% экспорта)	102,6	113,2	133,5	150,4
Чистые ПИИ (млрд долл.)	142,1	142,4	134,8	0,6
Валютные резервы (млрд долл.)	830	857	811	829
Инфляция (%)	5,0	6,3	7,9	8,4
Безработица (%)	7,2	7,9	7,4	9,0

Источник: (Balance Preliminar, 2016, p. 95, 98)

на интеграционных процессах, акцентировали присутствующий их развитию противоречивый характер. С одной стороны, наблюдался ощутимый прогресс в развитии региональных центристских тенденций, происходило их наполнение конкретным содержанием. Но одновременно прошедшие годы показали, что интеграция – сложный процесс преодоления исторически сложившейся экономической и политической разобщенности латиноамериканских обществ, и в этом направлении было сделано далеко не все. Например, несмотря на многолетние интеграционные усилия, внутрирегиональная торговля стран Латинской Америки занимала в их совокупном внешнеторговом обороте всего 19,2%, тогда как так называемый интеграционный порог составляет не менее 25% (Зевин, 2016, с. 30). Заметим, что аналогичный показатель у членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN) достигал 49,8%, а для участников Евросоюза – 59,1%².

Отметим и тот момент, что в условиях растущей мировой нестабильности региональные торгово-экономические группировки были призваны играть все более значимую роль в глобальной экономике, обеспечивая «регионализацию глобализации» – адаптацию глобальных правил игры к специфическим потребностям и возможностям отдельных стран и регионов. Такой тренд становился знаменем времени, но в Латинской Америке он пробивал себе дорогу с большим трудом.

В регионе сложилась пестрая, мозаичная картина из значительного числа самых разных интеграционных образований. В агрегированном плане можно выделить три основные модели интеграции, различия между которыми определяются, главным образом, ролью государства и степенью готовности к откры-

тому хозяйственному взаимодействию с внешним миром (Яковлев, 2015, с. 15–17). Первая модель представлена NAFTA и AP, в известной мере продолжающими неолиберальный рыночный тренд в экономической стратегии. На противоположном фланге сформировалась вторая модель, олицетворяемая группировкой ALBA, объединяющей страны – противники неолиберализма и глобализации по правилам «Вашингтонского консенсуса». И, наконец, третья модель является собой промежуточный вариант интеграционного блока и материализовалась в MERCOSUR, члены которого в целом отошли от неолиберальных догм, но в большинстве случаев изначально не были склонны излишне политизировать процесс хозяйственного сближения.

Существующие различия разрывают торгово-экономическое и финансовое пространство Латинской Америки и не позволяют региону предстать на глобальном уровне в качестве консолидированного хозяйственного блока. В этом смысле создание Unasur и CELAC можно было рассматривать как попытки объединить интеграционные процессы, осуществить «интеграцию интеграций», но, поскольку объединительные процессы пошли по разным маршрутам, эта цель до настоящего времени не достигнута.

Растущие надежды в Латинской Америке связывают с деятельностью AP, добившегося положительных институциональных сдвигов. По состоянию на начало 2017 г. страны – участницы этого объединения на паритетной основе отменили 92% таможенных пошлин и создали совместную фондовую биржу, ставшую крупнейшей в регионе по количеству компаний и совокупному объему их капитализации (BBVA, 2016). Вместе с тем в условиях тотального сокращения международной торговли членам AP не удалось

2 El comercio exterior en América Latina y el Caribe. 24 de noviembre de 2014. URL: <http://www.cepal.org/es/print/24966> (Accessed: 14.06.2017)

избежать падения взаимного товарообмена, но, что показательно, указанное сжатие не было столь же значительным, как уменьшение их общего товарооборота, а в ряде случаев отмечалось увеличение поставок. Это можно проиллюстрировать на примере экспорта Колумбии в Мексику, Перу и Чили.

В 2013–2016 гг. при глобальном сокращении колумбийского экспорта на 47% поставки в Перу снизились на 17%, а в Мексику – даже возросли на 8%. И только экспорт Колумбии в Чили обрушился на 57%. В целом же продажи колумбийских товаров на рынках партнеров по АР сократились на 28% и в 2016 г. составили около 9% общего объема экспорта этой страны (в 2013 г. – 6,3%). Однако дело не только в сравнительно скромных количественных показателях, но и в структуре колумбийского экспорта в государства Латинской Америки, который отмечен высоким содержанием промышленных товаров, включая высокотехнологичные. Например, на региональных рынках реализуется 74% пластмасс, 92% автомобилей, 87% химических продуктов, 85% фармацевтических товаров, 75% электрических машин и оборудования, 78% металлургической продукции, 99% удобрений и 88% других готовых изделий, экспортируемых колумбийскими предприятиями (ИТС). Похожая ситуация характерна и для экспорта большинства других стран. Иными словами, для латиноамериканских экспортеров промышленной продукции региональные рынки приобрели приоритетное значение.

Вялый рост (и даже сокращение) внутрирегиональной торговли – не единственный вызов латиноамериканской интеграции. Несмотря на многолетние и разнообразные интеграционные усилия (и не отрицая отдельных достижений), сегодня в Латинской Америке отчетливо просматривается не только центристский тренд, но и контртренд, направленный на политическое и эконо-

мическое разделение региона и, по меткому выражению аргентинского политолога Хуана Мануэля Карга, ведущий «к параличу интеграционных объединений...» (Карг, 2016, с. 5). Как иначе можно трактовать требования исключить (по политическим мотивам) Венесуэлу из Mercosur? Но главные причины размежевания лежат не в области политической конъюнктуры, а в сфере торгово-инвестиционных внутрорегиональных связей, которые до настоящего времени не стали приоритетными для подавляющего большинства латиноамериканских стран (как это, например, произошло в рамках Европейского Союза). В основе этого размежевания лежат два весомых фактора. Во-первых, различия в моделях экономического и социально-политического развития: если одни государства проводят политику свободных и открытых рынков (Колумбия, Перу, Чили), то другие придерживаются стратегии сравнительно жесткого госрегулирования с сильными элементами популизма (Боливия, Венесуэла, Эквадор). Во-вторых, для ряда стран (Мексика, центральноамериканские и карибские республики) характерна сильная привязка к экономике США, тогда как южноамериканские государства в большей степени ориентируются на европейские и азиатские рынки.

Наличие разделительных линий внутри региона порождает фрагментацию латиноамериканского экономического пространства. Поэтому ключевая региональная задача – придать новый импульс центристским силам, радикально усилить взаимодействие существующих интеграционных объединений, соединить усилия по созданию общего латиноамериканского рынка товаров, услуг и капиталов. В этом отношении фундаментальное значение может иметь сближение Mercosur и АР, создание на такой основе своего рода гравитационного центра региональной экономики.

«Трампономика» и судьба NAFTA

Серьезное беспокойство в латиноамериканских политических и деловых кругах вызвал внешнеэкономический курс президента Д. Трампа, направленный на пересмотр существующих договоренностей и угрожающий торговым интересам стран-партнеров.

В Латинской Америке под прицел Д. Трампа в первую очередь попала Мексика – крупнейший торгово-экономический партнер Соединенных Штатов в регионе и второй по значимости (после Канады) покупатель американской продукции во всем мире. Достаточно сказать, что оборот американо-мексиканской торговли (свыше 500 млрд долл. в год) составляет порядка 1 млн долларов в минуту. Важное место Мексика занимает и в американском реэкспорте – вывозе из США ранее ввезенных товаров для их перепродажи на рын-

ках других государств, что свидетельствует об исключительно тесном взаимодействии бизнес-структур двух стран в рамках NAFTA (Таблица 5).

Несмотря на это, Д. Трамп еще в ходе предвыборной кампании в буквальном смысле обрушился практически на весь комплекс американо-мексиканских отношений. Острой критике была подвергнута деятельность NAFTA, поскольку у США наблюдается дефицит в торговле с Канадой и Мексикой; озвучивались планы обложения мексиканских товаров импортной пошлиной в размере 35%; прозвучали угрозы депортации миллионов мексиканцев, проживающих на территории США без надлежащих документов (утверждалось, что многие из них «насильники и наркотрафиканты»). Болезненную реакцию мексиканского общества вызвали заявления президента о необходимости возвести стену на всем протяжении мексикано-американской границы (отдельные участ-

Таблица 5. Товарный экспорт и реэкспорт США (млрд долл.)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Общий экспорт	1482	1545	1578	1620	1504	1453
Латинская Америка	365	397	408	423	388	364
Мексика	198	216	226	240	236	231
Доля Мексики в общем экспорте (%)	13,4	14,0	14,3	14,8	15,7	15,9
Доля Мексики в экспорте в Латинскую Америку (%)	54,3	54,4	55,4	56,7	60,8	63,5
Общий реэкспорт	182	193	207	221	215	223
Латинская Америка	54	60	63	66	67	69
Мексика	38	41	44	48	50	54
Доля Мексики в общем реэкспорте (%)	20,9	21,2	21,3	21,7	23,3	24,2
Доля Мексики в реэкспорте в Латинскую Америку (%)	70,4	68,3	69,8	72,7	74,6	78,3

Источник: ITC. Trade statistics for international business development. – URL: http://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx(Accessed:17.07.2017)

ки стены уже существуют), причем парадоксальным образом предлагалось сделать это за счет мексиканской стороны.

Антимексиканские диатрибы Д. Трампа не только подпортили общественно-политический климат в отношениях между двумя тесно связанными странами, но и нанесли ощутимый финансовый урон экономике южного соседа. Непосредственно после победы на выборах кандидата-миллиардера произошло обесценение на 15% национальной денежной единицы – песо, а мексиканская биржа пережила самое глубокое падение за последние пять лет. «Паника стучится в ворота Мексики. Победа Дональда Трампа, носителя антимексиканской ксенофобии, вызвала к югу от Рио-Гранде финансовую бурю с непредсказуемыми последствиями», – подчеркивалось на страницах ведущей испанской газеты «El País»³.

Придя к власти, Д. Трамп в центр политики в отношении южного соседа поставил проблему пересмотра договоренностей в рамках интеграционного объединения трех североамериканских государств. При этом требование ревизии соглашения о NAFTA Белый дом подкреплял следующими аргументами. Во-первых, более дешевая рабочая сила в Мексике и сравнительно «мягкое» налоговое законодательство побудили многие американские компании (в том числе гигантов автомобильной индустрии) перевести производство к югу от Рио-Гранде, что привело к деиндустриализации национальной экономики: закрытию тысяч предприятий и потере миллионов рабочих мест в США. Во-вторых, коренным образом изменилась американо-мексиканская торговля. Если в 1994 г. она свелась с положительным сальдо (1,3 млрд долл.) в пользу Соединенных

Штатов, то в последующий период уже Мексика фиксировала профицит, в 2016 г. превысивший 65 млрд долл. Дефицитный характер для США носил и товарообмен с Канадой, хотя в последние годы дисбаланс, достигавший 70–80 млрд, был снижен до 17–21 млрд долл. (ИТС).

18 мая 2017 г. торговый представитель США Роберт Лайтхайзер⁴ уведомил американский конгресс о решении президента Д. Трампа начать переговоры с правительствами Мексики и Канады о внесении изменений в соглашение о NAFTA. С этого момента вашингтонская администрация провела серию консультаций с представителями законодательной власти и бизнеса. По результатам этих встреч был подготовлен документ («Резюме целей»), определивший задачи американской делегации, которую возглавил заместитель Р. Лайтхайзера по делам Западного полушария Джон Мелле, на переговорах с мексиканскими и канадскими партнерами.

В документе отмечалось, что за два с лишним десятилетия функционирования NAFTA на глобальном уровне в экономике США произошли кардинальные изменения, требующие нового подхода к организации внешнеэкономического сотрудничества. В изменившихся условиях, подчеркивали авторы «резюме», участие в североамериканской интеграции должно отвечать современным стратегическим задачам социально-экономического развития Соединенных Штатов, вносить вклад в реиндустриализацию экономики и содействовать продвижению товаров и услуг американских предприятий на мировой рынок. Такая посылка предопределила чрезвычайно широкую повестку переговоров, на ряде треков выходящую за рамки конкретных торгово-экономических вопросов⁵. Выде-

3 Martínez Ahrens J. El peso mexicano sufre la peor caída del planeta por el efecto Trump. *El País*. 11.11.2016.

4 Возглавляет Торговое представительство США (USTR) – правительственное агентство, занимающееся разработкой торгового законодательства, составлением торговых соглашений с иностранными государствами и координацией внешнеторговой политики. USTR является частью Исполнительного офиса президента США.

5 USTR. Executive Office of the President. Summary of Objectives for the NAFTA Renegotiation. Monday, July 17 2017. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/Press/Release/NAFTAObjectives.pdf> (Accessed: 24.07.2017)

лим ключевые идеи переговорной позиции американской делегации:

- устранение «ненужных» различий в национальных системах внешнеторгового регулирования, продвижение в сторону гармонизации таможенных практик и снятия нетарифных барьеров в торговле промышленными и сельскохозяйственными товарами;
- либерализация энергетического рынка, а также рынков услуг, включая телекоммуникации и финансовую сферу;
- обеспечение недискриминационного подхода к торговле цифровой продукцией (программное обеспечение, литературные, графические, музыкальные и аудиовизуальные произведения);
- выработка и принятие правил, снижающих или полностью устраняющих препятствия на пути инвестиций США в экономики Канады и Мексики;
- эффективная защита интеллектуальной собственности;
- повышение уровня транспарентности принимаемых решений и активизация борьбы с коррупцией в государственных органах;
- принятие членами NAFTA международно признанных трудовых стандартов (минимальная заработная плата, продолжительность рабочего дня, свобода деятельности профессиональных союзов и т.д.);
- сохранение за США возможности применять в отношении канадских и мексиканских предприятий законы и правила, защищающие американский бизнес. Для этого предлагается изъять из действующего текста соглашения о NAFTA статью №19, ставящую Канаду и Мексику в исключительное положение по сравнению с третьими странами. Одновременно в «ре-

зюме» предусматривалось зарезервировать за Вашингтоном право следовать принципу «Покупай американское» при размещении государственных заказов.

Анализ позиции Торгового представительства США позволил мексиканским экспертам прийти к выводу, что переговоры о реформировании NAFTA, первый раунд которых прошел в американской столице 16–20 августа 2017 г., будут весьма напряженными и могут растянуться на продолжительный отрезок времени⁶. В пользу такой оценки говорили два обстоятельства: значительное число предложенных существенных изменений, требующих внимательного рассмотрения, а также предстоящие в 2018 г. выборы в американский конгресс, по итогам которых произойдет полное обновление палаты представителей и трети сената. Сейчас невозможно сказать, какую позицию займут новые законодатели. Таким образом, перспективы NAFTA остаются неясными.

Параметры «открытого регионализма»

Последствия «эффекта Трампа» почувствовали на себе и другие латиноамериканские государства, для которых поворот Вашингтона к протекционизму стал своего рода когнитивным диссонансом, поскольку вошел в клинч с курсом ведущих стран региона на максимальную международную торгово-экономическую открытость. Не только члены Тихоокеанского альянса, но и власти Аргентины и Бразилии декларируют приверженность принципам либерализации глобальной торговли и являются сторонниками развития интеграционных процессов. В результате в межамериканских отношениях возникает зона новых противоречий, которые мо-

6 Zuckerman L.; Habrá un nuevo TLCAN para 2018? *Excélsior*. 25.07.2017.

гут принять весьма острый характер. «Региону противостоит непредсказуемый и импульсивный деятель, способный принимать как прагматические решения, так и руководствоваться недальновидными популистскими соображениями», – суммировал мнения многих экспертов известный латиноамериканский аналитик Рохелю Нуньес⁷.

Глобальные потрясения и поворот во внешнеэкономической политике Вашингтона поставили в повестку дня задачу переосмысления и актуализации концепции развития региональной интеграции. На политическом и экспертном уровне зазвучали призывы «вдохнуть новую жизнь» в интеграционные процессы, сделать главным принципом экономического сотрудничества открытый регионализм, подразумевающий мобилизацию не только местных, но и глобальных ресурсов для решения социально-экономических проблем Латинской Америки.

На практике это означает в первую очередь интенсификацию торговых-инвестиционных связей латиноамериканских интеграционных группировок с вне-региональными партнерами. Показательный пример – стратегия стран АР, направленная на максимальное продвижение соглашений о свободе торговли с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. На состоявшемся в конце июня 2017 г. XII саммите Альянса было принято решение о введении статуса «ассоциированного члена», который первыми получили Австралия, Канада, Новая Зеландия и Сингапур, начавшие переговоры о заключении торговых соглашений с АР⁸.

Протекционистский курс Д. Трампа прибавил аргументов в пользу соглашения о свободе торговли между Mercosur и Ев-

росоюзом, переговоры о заключении которого продолжались почти 18 лет. Оказавшись под угрозой санкций со стороны Вашингтона, европейцы и латиноамериканцы нашли компромиссные решения вопросов, ранее казавшихся тупиковыми. Прежде всего, это касалось более широкого допуска сельскохозяйственных товаров стран – членов Mercosur на рынки ЕС и промышленной продукции европейских предприятий на рынки Южной Америки. Кроме того, было достигнуто понимание в вопросах защиты инвестиций, охраны интеллектуальных прав и свободного участия в тендерах, организуемых государством. Еврокомиссар по торговле Сесилия Мальмстрем, явно намекая на хозяина Белого дома, выразила позицию сторон предельно ясно: «В мире слышны голоса в пользу протекционизма. В то время, когда одни собираются отгораживаться стенами, мы намерены возводить мосты. Существует окно возможностей, которое нельзя не использовать»⁹.

Определенные перспективы взаимодействия просматриваются и в отношениях между латиноамериканскими интеграционными группировками и Россией, Евразийским экономическим союзом. Во время официального визита в Москву президента Бразилии Мишела Темера (20–22 июня 2017 г.) бразильская сторона подчеркивала свою «готовность содействовать продвижению связей Российской Федерации с интеграционными объединениями Латинской Америки и Карибского бассейна». М. Темер и президент РФ В.В. Путин приветствовали проведение 14 ноября 2016 г. в Сочи министерской встречи между «квартетом» СЕЛАК и РФ, определившей основные направления взаимодействия в рамках созданного в 2015 г. По-

7 Núñez R. (2016). Trump y el reino de la imprevisibilidad para América Latina. 9 noviembre, 2016. – URL: <http://www.infolatam.com/>(Accessed: 29.07.2017)

8 Alianza de Pacífico inicia su proceso de expansión con cuatro asociados. 30 de junio de 2017. URL: <http://www.americaeconomia.com/>(Accessed 25.07.2017)

9 Malmström C. (2017). Los beneficios de la liberalización del comercio con el Mercosur. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2017/july/tradoc_155687.pdf(Accessed: 25.07.2017)

стоянного механизма политического диалога и сотрудничества. Одновременно главы двух государств выразили «намерение совместно работать в целях скорейшего заключения меморандума о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между Евразийской экономической комиссией и правительствами государств – участников Южноамериканского общего рынка»¹⁰.

Факты говорят о том, что в практику международной деятельности латиноамериканских государств начинает входить «дипломатия интеграции», нацеленная на укрепление уже существующих дееспособных объединительных институтов и механизмов, а также создание новых форматов и инструментов торгово-экономического взаимодействия.

Список литературы

Зевин Л.З. (2016). Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (8). 26–36.

Карг Х.М. (2016). Десять гипотез о ситуации в Латинской Америке. *Латинская Америка*, (11). 4–8.

Яковлев П. (2016). Импортзамещение в Аргентине: цели и результаты. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (5). 20–25.

Яковлев П.П. (2015). Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений. *Латинская Америка*, (7). 4–18.

Яковлев П.П. (2013). «Мультилатинас»: трансграничный рывок латиноамериканского бизнеса. *Латинская Америка*, (6). 51–66.

Яковлев П.П. (2010). *Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине*. М.: Прогресс-Традиция. 464.

Яковлев П.П. (2017). «Эффект Трампа» или конец глобализации? М.: РУСАЙНС. 144.

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.). (2003). *After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 373.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2012). Santiago de Chile: CEPAL. 134.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2016). Santiago de Chile: CEPAL. 128.

España, plataforma para las inversiones y sedes de empresas multilatinas en Europa, África y Oriente Medio. (2015). Madrid: ICEX. 139.

Los desafíos del desarrollo en América Latina. Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas. (2014). Paris. 153.

Santiso J. (2011). *La década de las multilatinas*. Madrid. 279.

References

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2012). Santiago de Chile: CEPAL. 134.

Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. (2016). Santiago de Chile: CEPAL. 128.

España, plataforma para las inversiones y sedes de empresas multilatinas en Europa, África y Oriente Medio. (2015). Madrid: ICEX. 139.

Karg Kh.M. (2016). Ten hypotheses on the situation in Latin America. *Latinskaya Amerika*, (11). 4–8.

Kuczynski P.P., Williamson J. (eds.). (2003). *After the Washington Consensus. Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Peterson Institute for International Economics. 373.

10 Совместное заявление Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии о стратегическом внешнеполитическом диалоге. 21 июня 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5212> (Дата обращения: 20.07.2017)

Los desafíos del desarrollo en América Latina. Dinámicas socioeconómicas y políticas públicas. (2014). Paris. 153.

Santiso J. (2011). *La década de las multilaterales.* Madrid. 279.

Yakovlev P. (2016). Import Substitution in Argentina: Aims and Results. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60 (5). 20–25.

Yakovlev P.P. (2010). *Before the challenges of the time. Cycles of modernization and crises in Argentina.* Moskva: Progress-Traditsiya. 464.

Yakovlev P.P. (2013). “Multilaterales”: transboundary roll of Latin American business. *Latinskaya Amerika*, (6). 51–66.

Yakovlev P.P. (2015). America Latina en el cruce de los trends. Concientizando los nuevos fenomenos. *Latinskaya Amerika*, (7). 4–18.

Yakovlev P.P. (2017). “Trump effect” or the end of globalization? Moskva: RUSAINS. 144.

Zevin L.Z. (2016). Megaregions in Globalizing Economy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 60 (8). 26–36.

Информация об авторе

Петр Павлович Яковлев, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки Российской академии наук

115035, Российская Федерация, Москва, Б.Ордынка ул., 21/16
Petrp.yakovlev@yandex.ru

About the Author

Petr P. Yakovlev, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Iberian Studies at the Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences

21/16, ul. B. Ordynka. Moscow, Russian Federation. 115035
Petrp.yakovlev@yandex.ru